

Николаев Иван Петрович

Краткий курс уголовного судопроизводства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Петрович Н.**
Краткий курс уголовного судопроизводства / Николаев Иван Петрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 323 с.

ISBN 978-5-519-99714-0

ISBN 978-5-519-99714-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ресовъ способствуетъ отысканію истины. Судебный порядокъ нуждаясь въ существованіи суда и сторонъ, по необходимости нуждается также въ тѣхъ правилахъ, кои опредѣляютъ права и обязанности каждаго изъ этихъ элементовъ и ихъ взаимныя отношенія. Таковы элементы всякаго процесса, въ томъ числѣ и уголовного, но послѣднему присущи свои особенности. Предметъ гражданскаго процесса—нарушенія имущественныхъ правъ частныхъ лицъ, влекущія за собою одну обязанность вознагражденія обладателя нарушенныхъ правъ или признанія ихъ за нимъ, напротивъ, предметъ уг. процесса являются посягательства на тѣ юридическія отношенія, неприкосновенность коихъ государство считаетъ необходимымъ охранять подъ угрозою наказанія. Гражданское нарушение не представляетъ опасности для общества, преступное же дѣяніе затрагиваетъ не только права частныхъ лицъ, но и коренные устои общежитія. Поэтому уг. процессу въ его основѣ присуще публичное начало, означающее, что уголовный судъ развиваетъ свою дѣятельность не въ личныхъ интересахъ частныхъ лицъ, а въ интересахъ публичныхъ, общегосударственныхъ, требующихъ неуклоннаго примѣненія уг. кары къ виновнику совершеннаго преступленія. На обязанности суда лежитъ прежде всего уяснить себѣ дѣло и правильно примѣнить къ нему уг. законъ. Государство въ лицѣ своихъ судебныхъ органовъ, стремясь къ отысканію матеріальной истины, по необходимости въ виду этого должно, съ одной стороны, ограничить произволъ сторонъ, частныхъ лицъ въ дѣлѣ раскрытія истины, а, съ другой стороны, оказывать имъ помощь. Въ историческомъ своемъ ходѣ объемъ ограниченій произвола сторонъ постепенно расширяется. Теперь, напр., въ уг. процессѣ общеприняты правила: невозможность мировой сдѣлки между обвинителемъ и обвиняемымъ; признаніе подсудимымъ своей виновности имѣетъ силу, поскольку оно подкрѣпляется иными доказательствами; дѣйствія должностныхъ и частныхъ лицъ должны быть контролируемы судомъ; стороны не стѣсняютъ самостоятельности суда въ изслѣдованіи доказательствъ. Что же касается государственной помощи сторонамъ, то она вызывается недостаточностью ихъ силъ для полнаго раскрытія преступнаго дѣянія. Въ прежнее время государство помогало только обвинителю предоставленіемъ въ его распоряженіе своихъ органовъ и денежныхъ средствъ; да и теперь отъ государства учреждено особое должностное лицо, въ распоряженіи котораго находится полиція и другіе государственные органы, обязанные открывать преступныя дѣянія, къ коимъ также и частныя лица по поводу уг. дѣлъ могутъ обра-

щаться за содѣйствіемъ. Обязанность ихъ—немедленно произвести дознание о всякомъ противозаконномъ дѣяніи. Съ теченіемъ времени выяснилось, что интересы правосудія и равноправность сторонъ требуютъ, чтобы и обвиняемому была доставляема государственная помощь; зарождаются и развиваются институты необходимой защиты и иныя легальныя правила, благопріятствующія подсудимому, какъ-то: всякое сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго; подсудимый предполагается невиновнымъ, доколѣбъ противное не будетъ доказано; послѣднее слово на судебномъ слѣдствіи принадлежитъ подсудимому или его защитнику; молчаніе подсудимаго не принимается за признаніе имъ своей виновности; при раздѣленіи голосовъ судей беретъ перевѣсъ то равносильное мнѣніе, которое снисходительнѣе къ подсудимому; оправдательныя приговоры исполняются немедленно (ст. 685, 748, 769, 813, 814, 819 у. у. с.).

Помимо этого, въ гражданскихъ дѣлахъ допускается зачетъ, передача или переходъ правъ и обязанностей одного лица къ другому, и даже самый разборъ гражданского дѣла можетъ происходить безотносительно къ личности, тогда какъ въ уг. дѣлахъ преступное дѣяніе и наказаніе неразрывно-связаны съ опредѣленною физическою личностью. Каждый несетъ отвѣтственность только за себя и смерть виновника совершенно исключаетъ наказаніе. Отсюда вытекаетъ индивидуальное начало уг. процесса, сущность коего въ томъ, что судъ возлагаетъ наказаніе на личность преступника и изслѣдуетъ только личную виновность. Въ виду этого положеніе личности въ государствѣ оказываетъ огромное вліяніе на построеніе уг. процесса. Исторія показываетъ, что пока личность не пользовалась въ государствѣ свободой и другими личными правами, дотолѣ и личность преступника въ уг. процессѣ признавалась только объектомъ изслѣдованія и была лишена всякихъ правъ, гарантирующихъ ее отъ всякаго рода посягательствъ, не вызываемыхъ нуждами правосудія. Въ настоящее время въ подсудимомъ видятъ самостоятельную сторону, имѣющую всѣ законныя средства къ защитѣ своей невиновности: его присутствіе требуется всегда при разборѣ дѣла. Изъ уваженія же къ личности обвиняемаго на судъ возложена обязанность непосредственно ознакомиться съ обстоятельствами дѣла и оцѣнивать ихъ доказательственную силу по своему внутреннему свободному убѣжденію, а не по указанію закона, придающаго ту или другую силу извѣстному доказательству.

Несудебное разбирательство. Коренное правило, что никто не

можетъ быть наказанъ иначе, какъ по суду (ст. 1, 14 у. у. с.), далеко не безусловное; почти все законодательства допускаютъ извѣстныя изъятія, совокупность коихъ образуетъ понятіе несудебнаго разбирательства. Существованіе его въ настоящее время объясняется исторически. Въ старое время на отправленіе правосудія смотрѣли какъ на достояніе частныхъ отдѣльныхъ лицъ или сословій и предоставляли имъ въ отношеніи зависимыхъ лицъ широкій объемъ дисциплинарной власти, недостаточно обособлявшейся отъ власти карательной. Съ исчезновеніемъ этихъ причинъ несудебное разбирательство разсматривается, какъ исключеніе, и нынѣ оно примѣняется только въ дѣлахъ маловажныхъ или въ такихъ дѣлахъ, гдѣ государство преслѣдуетъ свои особенныя задачи, именно—предупрежденіе и пресѣченіе преступленій, или тамъ, гдѣ оно предоставляетъ общественнымъ группамъ нѣкоторый объемъ дисциплинарной власти. По маловажности дѣло изымается изъ судебного разбора по той причинѣ, что иначе потребовалась бы громадная затрата личныхъ и финансовыхъ силъ для отправленія правосудія, что крайне отягчало бы само государство и его населеніе; поэтому признается болѣе удобнымъ сосредоточить разборъ маловажныхъ дѣлъ въ рукахъ уже готовыхъ органовъ. Понятіе маловажности дѣла устанавливается двояко: или по одному велѣнію законодателя, независимо отъ согласія на это обвиняемаго, или при его согласіи. Второй путь сводится къ добровольному подчиненію обвиняемаго несудебному разбирательству, потому онъ признается за болѣе цѣлесообразный; первый же путь страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что дѣласть неопредѣленнымъ понятіе маловажности, такъ какъ лишеніе—незначительное для одного, можетъ быть весьма тягостнымъ для другого. Задача предупрежденія преступленій, сосредоточиваемая въ рукахъ административныхъ лицъ и учреждений, составляетъ второе основаніе для выдѣленія дѣлъ изъ судебного разбора. Провести точную границу между предупредительной дѣятельностью государства и карательной весьма трудно. Какъ за общее правило надлежитъ принять—предупредительныя мѣры не должны безъ крайней необходимости нарушать личную свободу и могутъ примѣняться только въ случаѣ, когда преступное намѣреніе человека обнаружилось въ дѣйствіяхъ и есть возможность воспрепятствовать его совершенію или когда необходимо прекратить совершающееся уже преступленіе. Нарушеніе такихъ предѣловъ есть вторженіе администраціи въ область суда. Наконецъ, дисциплинарная власть предоставляется общественнымъ круж-

камъ или установленіямъ. Представители науки смотрятъ неодинаково на дисциплинарныя взысканія—одни подводятъ ихъ подъ понятіе наказанія, другіе говорятъ, что они не имѣютъ такого значенія, а представляются мѣрою, имѣющею особое юридическое значеніе за предѣлами области наказанія. Цѣль дисциплинарныхъ взысканій—поддержаніе внутренняго порядка, и состоятъ они въ лишеніи выгодъ, предоставляемыхъ виновному союзомъ. Высшее наказаніе—исключеніе лица изъ состава кружка. По нашему праву объемъ несудебнаго разбирательства весьма широкъ, хотя онъ много суженъ уставами 1864 г. и послѣдующими узаконеніями. Органами несудебнаго разбирательства у насъ являются отчасти общественныя единицы—община, семья, церковь, школа, отчасти государственныя установленія—войско и другія правительственныя установленія. Особенно широкою дисциплинарною властью пользовалась у насъ сельская община, имѣвшая право устраниать порочныхъ крестьянъ отъ участія въ сходахъ на срокъ до 3 лѣтъ, потомъ отдавать ихъ въ общественныя работы и даже удалять изъ общества. Послѣдніе административнымъ путемъ ссылались въ Сибирь и такой ссылкѣ подлежали: 1) отбывшіе заключеніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, коихъ общество не желало принять обратно; 2) крестьяне не старѣе 60 л. работоспособные, изобличенные въ развратномъ и порочномъ поведеніи. Приговоръ долженъ быть постановленъ большинствомъ ²/₃ голосовъ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Закономъ 12 іюня 1900 года ссылка въ Сибирь и право крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ не принимать осужденныхъ своихъ членовъ отмѣнены. По этому закону крестьянскія общества въ правѣ удалять изъ своей среды членовъ, своимъ порочнымъ и вреднымъ поведеніемъ угрожающихъ мѣстному благосостоянію и безопасности. Остальныя общественныя группы обладаютъ дисциплинарной властью въ значительно меньшемъ объемѣ. Такъ, церковное разбирательство опредѣляется уставами духовныхъ консисторій и иностранныхъ исповѣданій, на государственной и общественной службѣ отвѣтственность опредѣляется начальствомъ и т. п.

Различія въ построеніи уголовного судопроизводства.

Процессъ розыскной (судостовный) и состязательный (обвинительный). Гражданскій процессъ въ своемъ возникновеніи, направленіи и прекращеніи опредѣляется всецѣло волею частнаго

лица, иное дѣло—уг. процессъ. Здѣсь о такомъ производѣ могла быть рѣчь тогда, когда существовалъ частно-правовой взглядъ на преступленіе и наказаніе и когда, такимъ образомъ, все уг. производство носило складъ искового разбирательства. Нынѣ разбирательство уг. дѣлъ отъ частнаго усмотрѣнія независимо, кромѣ частныхъ преступленій, и опредѣляется публичнымъ началомъ, но такъ какъ государство само по себѣ не можетъ выполнять передъ уг. судомъ обвинительныя функціи, то оно учреждаетъ для сего особые органы и вотъ, смотря по тому, возлагаются ли обвинительныя функціи на самый судъ или для сего создаются особые органы, получается различіе двухъ порядковъ уг. процесса—розыскаго и состязательнаго. Въ судѣ уг. слѣдуетъ различать троякаго рода дѣятельность, именно: обвинителя, возбуждающаго уг. преслѣдованіе и обличающаго подсудимаго на судѣ, обвиняемаго, защищающаго свои интересы противъ обвинителя, и судьи—посредника между данными лицами. Въ состязательномъ процессѣ всѣ эти функціи разграничены, и представитель каждой изъ нихъ дѣйствуетъ самостоятельно, въ розыскаго же процессѣ всѣ онѣ были сосредоточены въ рукахъ судьи, смѣшаны. Объ интересахъ защиты долженъ былъ заботиться тотъ самый судья, который сосредоточивалъ въ себѣ функціи обвиненія. Онъ обязанъ былъ собрать по дѣлу не только уличающія доказательства, но и оправдывающія. Отсюда—неправильность въ дѣлѣ отправленія правосудія, ибо судья-слѣдователь, составивъ себѣ по слѣдствію опредѣленный взглядъ на дѣло, приступалъ къ его рѣшенію съ предвзятыми мыслями. Кромѣ этого, розыскаго процессъ, ради достиженія отвлеченныхъ благъ правосудія и раскрытія истины, прибѣгалъ къ жестокимъ принудительнымъ мѣрамъ, при полномъ забвеніи правъ личности. Дѣятельность сторонъ, умѣряющая борьбу противоположныхъ интересовъ, не допускалась, отчего процессъ потерялъ свою жизненность и энергію. Производство въ процессѣ розыскаго неизбѣжно сопровождалось тайной и письменностью. Первая оправдывалась тѣмъ, что успѣхъ обнаруженія истины лежитъ въ сокрытіи результатовъ производства слѣдственныхъ дѣйствій, вторая,—что судья, знакомясь съ дѣломъ по результатамъ розыска, оформленнаго въ письменные протоколы, сохранить свое безпристрастіе, точнѣе примѣнить законъ и опредѣлить вину. Съ обособленіемъ означенныхъ процессуальныхъ функцій и созданіемъ для каждой изъ нихъ особаго органа процессъ принимаетъ характеръ состязательный. Судъ разрѣшаетъ уг. дѣло по иску, предъявленному обвинителемъ, и въ предѣлахъ этого иска.

Подсудимый приобретает право на защиту въ возможно большемъ объемѣ. Каждая основная процессуальная дѣятельность имѣетъ своего особаго представителя, независимаго отъ другихъ. Судъ, освобожденный отъ чуждыхъ ему обязанностей, возложенныхъ на него въ слѣдственномъ порядкѣ, занимается только оцѣнкою представленнаго ему по дѣлу доказательственного матеріала. Однако, состязательный характеръ процесса не исключаетъ самодѣятельности суда въ дѣлѣ обнаруженія истины: онъ можетъ вызвать пужныхъ ему свидѣтелей, потребовать иныя доказательства, вообще долженъ воспользоваться всѣми средствами для разясненія себѣ дѣла, а отнюдь не ограничиваться представленными сторонами доказательствами. Хотя стороны присутствуютъ на судѣ и даютъ свои объясненія по юридическимъ и фактическимъ вопросамъ дѣла, но онѣ этимъ не связываютъ судъ. Участіе сторонъ въ состязательномъ процессѣ, содѣйствуя полному и всестороннему разясненію дѣла, не лишаетъ также уг. процесса его публичнаго характера: стороны пользуются лишь государственною помощію при собираніи по дѣлу доказательствъ и движеніи дѣла. Уг. обвиненіе опредѣляется не личнымъ произволомъ, а общею волею государственною; представитель обвиненія, дѣйствуя во имя общаго интереса и какъ должностное лицо, несетъ за свои неправильныя дѣйствія законную отвѣтственность. Итакъ, признаками состязательнаго процесса являются: а) наличность процессуально самостоятельныхъ сторонъ; б) равноправность ихъ и в) освобожденіе суда отъ процессуальныхъ функций сторонъ.

Изъ положительныхъ законодательствъ ни одно не знаетъ въ чистомъ видѣ ни состязательнаго, ни слѣдственного порядка. Ближе всего къ первому стоялъ римскій процессъ, а ко второму германскій XVII и XVIII ст., признававшійся экстраординарнымъ для немногихъ уг. дѣлъ.

Римскій процессъ оказалъ сильное вліяніе на процессуальное право Запада. Въ классическую его эпоху посетителями судебной власти были народные всесловные суды (*quaestiones perpetuae*), различавшіеся между собою только по роду преступленій. Число членовъ суда доходило до 60. Предсѣдательствовалъ въ этомъ судѣ преторъ. Право обвиненія принадлежало всякому римскому гражданину, и дѣятельность такого рода считалась почетною, но, съ другой стороны, за лжеобвиненіе существовала тяжкая отвѣтственность. Самый процессъ распадался на двѣ стадіи: предварительную у претора (*in iure*) и окончательную въ судѣ (*in iudicio*). Присутствіе сторонъ допускалось на обѣихъ

стадіяхъ. Производство *in iure* сводилось къ формулировкѣ обвиненія, представленію необходимыхъ доказательствъ и принятію обвиненія преторомъ. Если собранныхъ доказательствъ было недостаточно—преторъ назначалъ опредѣленный срокъ для пополненія ихъ и потомъ уже формулировалось обвиненіе, и разъ оно, по допросѣ обвиняемаго и составленіи объ этомъ протокола, представлялось вѣроятнымъ, то принималось преторомъ, сопровождаясь въ иныхъ случаяхъ нѣкоторыми ограниченіями для самого подсудимаго. При возбужденіи обвиненія нѣсколькими обвинителями между ними дѣлался выборъ по усмотрѣнію суда. На окончательномъ судебномъ разсмотрѣніи дѣла обвиненіе должно быть доказаннымъ. Судебное засѣданіе происходило публично, объясненія давались устно и въ присутствіи сторонъ; стороны произносили рѣчи и представляли свои доказательства. Приговоръ былъ троякій: *A* (*absolvo*), *C* (*condemno*) и *NL* (*non liquet*). Дѣло рѣшалось по абсолютному большинству голосовъ, только при избыткѣ голосовъ за *NL* требовалось дополненіе производства. Апелляція на приговоры народного суда не допускалась. Въ императорскую эпоху правосудіе въ Римѣ стало управляться правительственными органами, при коихъ вмѣсто народныхъ судей учреждается особый совѣтъ, имѣющій одно совѣщательное значеніе. Надзоръ за судебной дѣятельностью сосредоточивается въ рукахъ императора, что ведетъ къ развитію апелляціоннаго пересмотра и письменности. Обжалованію подлежали всѣ приговоры за немногими исключеніями. Высшую инстанцію представляла императорская консисторія. Самъ императоръ могъ прекратить дѣло въ любой моментъ его движенія. Обвинительныя функціи выполняютъ обыкновенно должностныя лица, частныя же рѣдко берутся за это дѣло. Во время производства ведутся подробные протоколы; предупредительныя мѣры въ отношеніи подсудимаго строги и даже примѣняется пытка. Приговоръ долженъ быть мотивированъ, а средняя его форма всегдѣмъ выходитъ изъ употребленія.

Ординарный и экстраординарный процессъ въ средніе вѣка. Въ средніе вѣка до реценціи римскаго права порядокъ разбора уг. дѣлъ распадался на ординарный и экстраординарный. Первый предполагалъ частнаго обвинителя, носилъ частно-исковой характеръ, былъ гласнымъ и крайне формальнымъ. Въ немъ принималъ участіе народъ. Между обвинителемъ и обвиняемымъ происходилъ споръ въ формѣ суда божьяго—воды и желѣза. Судьи свидѣтельствовали только фактъ побѣды или пораженія и потомъ примѣняли къ побѣжденному тотъ выводъ, который ука-

звался побѣдившею стороною. Въ важныхъ дѣлахъ спорящія стороны могли рѣшить дѣло поединкомъ, въ иныхъ случаяхъ для рѣшенія спора прибѣгали къ показаніямъ свидѣтелей, но обвиняемый могъ назвать показанія ихъ ложными и тогда споръ разрѣшался поединкомъ между нимъ и свидѣтелями. Съ теченіемъ времени пришли къ сознанію, что физическое единоборство непригодно для открытія преступника и что весьма важно имѣть возможность преслѣдовать преступниковъ и при отсутствіи обвинителя. Это вызвало появленіе экстраординарнаго процесса—безъ обвинителя. Вначалѣ онъ примѣнялся къ рѣшенію дѣлъ по преступленіямъ, захваченнымъ на мѣстѣ совершенія (in flagranti), и въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство задерживало преступника, но, не имѣя права выступить обвинителемъ, оно дѣлало вызовъ такого, и если онъ не являлся по истеченіи года и одного дня, то задержанный освобождался. Но и до истеченія этого срока обвиняемый могъ согласиться па судъ безъ обвинителя, который въ такомъ случаѣ составлялся изъ мѣстныхъ почетныхъ жителей (24) и рыцарей (4). На основаніи ихъ показаній составлялся приговоръ. На дальнѣйшее развитіе этого порядка оказали вліяніе начала каноническаго процесса.

Каноническій процессъ Запада. Западная церковь первоначально придерживалась римскаго процесса, такъ что обвиненіе (accusatio) составляло единственную форму уг. преслѣдованія. На обвинителѣ лежала отвѣтственность за лжеобвиненіе. Развитіе пороковъ въ средѣ духовенства и нужды церковнаго управленія вызвали появленіе доноса (denuntiatio), освобождавшаго доносчика отъ обязанности поддерживать обвиненіе и нести отвѣтственность за его неосновательность, и infamatio, по которому обвиненіе вчиналось на основаніи достовѣрнаго слуха о совершеніи кѣмъ-либо преступленія. Изслѣдованіе дѣла и примѣненіе церковныхъ взысканій принадлежало начальствующимъ духовнымъ лицамъ. Развитію главной формы уг. преслѣдованія—доносу—содѣйствовалъ также институтъ синодовъ. Епископы по обязанности должны были объѣзжать свою паству, имъ предшествовалъ архидіаконъ, узнававшій подъ присягою отъ мѣстныхъ жителей, какія преступленія были совершены въ ихъ мѣстности, оскорблявшія церковь и нарушавшія ея интересы. Архидіаконъ по обязанности затѣмъ производилъ изслѣдованіе и объ его результатахъ докладывалъ епископу. Но весьма долго противъ подобнаго доноса допускалась очистительная присяга. Дальнѣйшее развитіе доносъ получаетъ при Иннокентіѣ III. На обязанности каждаго гражданина лежитъ доносить о преступныхъ дѣяніяхъ; доносчикъ можетъ

принимать дѣятельное участіе въ самомъ производствѣ дѣла и представлять имѣющіяся доказательства. Въ этомъ случаѣ доносчикъ именуется *promtor inquisitionis*, а самое производство дѣла—*inquisitio cum promovento*. Каждое, затѣмъ, начальствующее духовное лицо пользуется *ex officio* правомъ преслѣдованія и изслѣдованія преступленій духовныхъ лицъ и мірянъ. Очижительная присяга выходитъ изъ употребленія. Въ инквизиціонномъ процессѣ появляется различіе стадій: дѣло начинается при опозореніи кого-либо путемъ доноса или молвы; судья сначала изслѣдуетъ дѣло тайно, потомъ вызываетъ заподозрѣннаго и снимаетъ съ него допросъ по дѣлу подъ присягою. Заподозрѣнному сообщается предметъ дѣла, свидѣтельскія показанія и имена свидѣтелей. Выслушавъ объясненія подсудимаго, судья постановляетъ приговоръ, назначая смягченныя наказанія, а не нормальныя, какъ при *accusatio*. Каноническій процессъ имѣлъ нѣкоторыя особенности при разбирательствѣ дѣлъ объ сресяхъ. Для преслѣдованія ихъ назначались папою особые делегаты; имена свидѣтелей отъ подсудимыхъ скрывались; наказанія назначались болѣе строгія и пытка примѣнялась въ широкомъ объемѣ. Каноническій процессъ имѣетъ важное историческое значеніе. Онъ выработалъ начало, что государство должно въ лицѣ своихъ представителей взять на себя инициативу возбужденія уг. дѣлъ, что усмотрѣніе частныхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ неумѣстно. Онъ вытѣсняетъ ордалии всякаго рода, судебный поединокъ и вводитъ въ область доказательствъ признаніе подсудимаго, свидѣтельскія показанія, письменныя и вещественныя доказательства. Коренными его недостатками были—отсутствіе состязательности, негласность и письменность производства и устраненіе изъ суда народнаго элемента. Начала каноническаго процесса потомъ были заимствованы свѣтскими законодательствами, которыя, видя задачу розыскаго процесса въ отысканіи матеріальной истины, ввели формальную систему доказательствъ. Главнымъ доказательствомъ считалось признаніе подсудимаго. Для начатія слѣдствія законъ судья указывалъ поводы; дѣло двигалось *ex officio* силою самого закона, а не сторонами. Слѣдствіе распадалось на общее и специальное (*inquisitio specialis* и *generalis*). Первое состояло въ установленіи факта преступленія и обнаруженія всѣхъ заподозрѣнныхъ лицъ, второе направлялось къ собиранію доказательствъ виновности опредѣленнаго лица съ цѣлью уличенія его въ совершеніи преступленія. Приговоры были троякаго рода—оправдательные, обвинительные и оставленіе въ подозрѣніи, т. е. временное освобожденіе отъ суда по недостатку доказа-

тельствъ. Пересмотръ дѣла по жалобѣ почитался несоотвѣствующимъ оффиціальному началу процесса и дѣло подлежало пересмотру только въ порядкѣ ревизіонномъ.

Развитіе розыскаго процесса во Франціи, Германіи и Россіи. Во Франціи слѣдствіе начиналось по жалобѣ имущественно-потерпѣвшаго или по требованію государственнаго обвинителя. Свидѣтели сначала допрашивались слѣдственнымъ судьей въ непубличномъ засѣданіи, потомъ допрашивался подсудимый въ сокращенномъ порядкѣ, а послѣ сего свидѣтели и подсудимый допрашивались по пунктамъ обвиненія. Прокуроръ въ судѣ давалъ свои заключенія по дѣлу, но они были необязательными для суда, а внѣ суда онъ надзиралъ за дѣйствіями слѣдственнаго судьи. Прокуроръ могъ самостоятельно предпринимать отдѣльныя слѣдственные дѣйствія. Для полученія признанія подсудимаго прибѣгали къ пыткамъ, которая при томъ же распадалась на предварительную, имѣвшую цѣлью выудить у подсудимаго признаніе имъ своей виновности въ учиненіи даннаго преступленія, и окончательную—съ цѣлью открытія неизвѣстныхъ соучастниковъ. Приговоры были троякаго рода. Обжалованіе допускалось какъ со стороны прокурора и частнаго обвинителя, такъ и со стороны самого подсудимаго. Ревизіонный порядокъ пересмотра былъ слабо развитъ во Франціи. Такимъ же точно правиламъ подчинялся и германскій процессъ, за исключеніемъ того, что пересмотръ дѣлъ въ порядкѣ ревизіи былъ болѣе выраженъ.

Въ Россіи древнѣйшій процессъ былъ также двоякаго рода—ординарный и экстраординарный. Первый носилъ частно-исковой характеръ: дѣло начиналось не иначе, какъ по челобитью потерпѣвшаго или его ближнихъ родственниковъ. Сторонамъ были присвоены равныя права. Въ случаѣ неизвѣстности отвѣтника, онъ отыскивался истцомъ посредствомъ „извода“ (последовательнымъ допросомъ лицъ, отъ кого приобрѣли личное) или „слѣда“ (по оставленнымъ слѣдамъ). Доказательствами въ этомъ процессѣ были: послухи, признаніе, поле, личное и крестное цѣлованіе. Отвѣтственность сводилась къ денежнымъ пенямъ. Экстраординарный процессъ (сыскъ) сначала примѣнялся въ дѣлахъ политическихъ. Безъ обвинителя Великій Новгородъ и Псковъ чинили расправу надъ своими внутренними врагами; князья часто прибѣгали къ опалѣ виновныхъ. Въ началѣ царскаго періода появляются губные старосты, обязанные подлежація ихъ вѣдѣнію дѣла—„сыскивать и доведши (т. е. собравши доказательства виновности) наказывать“. Экстраординарный порядокъ въ